

КАКОГО ТАЛАНТА НЕТ У МАРЧЕЛЛО МАСТРОЯНИ?

О ПРИЧУДАХ СЛАВЫ много говорить не приходится. Что же касается современного западного кино, то здесь пути известности и признания столь же очевидны, сколь и неисповедимы. Особенно для актеров. То слава приходит слишком рано и с помощью целого комплекса обольщений незаметно души талант в самой колыбели. А то слава приходит поздно. И результат известен: ощущение смертельной надорванности у художника, уставшего бороться и доказывать, и лицемерные вздохи критики: «Опять ввремя не заметили».

Случай Марчелло Мاستрояни — всемирно известного итальянского киноактера — особый случай. Красивый, великолепно артистичный, бесконечно обаятельный, он сравнительно быстро сделался популярным. Его охотно приглашали режиссеры, «на него» работали сценаристы — картине с участием Мастрояни обеспечен кассовый успех. Можно было без волнений автоматически переселяться из фильма в фильм, не меняя прически и пользуясь всеми испытанными приемами, которые приводили в восторг и публику, и продюсеров.

К счастью, ничего подобного не произошло. Несколько лет назад Мастрояни показал себя актером совершенно удивительным: тонким, умным, как никто чувствующим дух и идеи времени и способным воплощать эти идеи в образах, полярно противоположных по внешним приметам и одинаково трагических по сути.

Газетное интервью — не слишком просторный жанр для выражения художественного кредо, взглядов на жизнь и искусство. К тому же интересы буржуазных журналистов сосредоточены вокруг вполне определенных тем и вопросов. Поэтому Марчелло Мастрояни не часто говорит о себе. В «Сладкой жизни» он играл журналиста, он знает, какой вред несет обществу кровожадная охота за сенсациями. Однако недавно Мастрояни дал интервью французской прессе.

— Ваша карьера, — спросили его, — кажется счастливой и легкой. Так ли это?

— Совсем не так. В течение долгих лет я снимался в очень маленьких и глупых ролях. И фильмы были тоже короткие и глупые.

— Какая дорога привела вас на сцену и экран?

— Я учился в университете на экономическом факультете. Для меня не было и нет ничего скучнее коммерции. По вечерам я участвовал в спектаклях университетского театра. Нас заметила критика. А однажды к нам за кулисы пришел сам Лукино Висконти. Этому патриарху итальянского кино я очень обязан. Он научил меня многому, дал мне возможность играть вместе с прекрасными артистами.

Я очень люблю театр и отдал сцене больше десяти лет жизни. Летом снимался в кино, а зимой возвращался на подмостки. Играл Гольдони, Тенниси Уильямса, Чехова. К сожалению, сейчас в итальянском театре почти ничего не происходит. Иногда говорят, что публика не ходит в театр, поскольку билеты дороги. Позвольте, но билеты на футбол стоят в два раза дороже, а стадионы полным-полны. Я думаю, что причина кризиса в пассивности, в отсутствии новых идей, понежках. В кино в этом смысле значительно интереснее.

На смену кинематографу «звезд» и

Известия-приложение
Г. Москва

режиссеров приходит, я бы сказал, кинематограф авторов. Фильм задумывается одним человеком или коллективом единомышленников в целом как поэма или симфония. «Авторы кино» в общественной жизни начинают играть ту же роль, что и писатели, и философы.

— Что привлекает вас в пьесе или сценарии? Хороший сюжет, хорошая роль?

— Любый талантливо написанный сценарий, любая талантливая, серьезная и честная пьеса мне всегда интересны. Что касается роли, то я предпочитаю играть людей нашего времени. Если созданный сценаристом образ хоть в какой-то степени помогает мне разрешить те проблемы, которые стоят передо мной, как перед всяким членом общества, если этот образ помогает мне быть лучше и умнее, он нравится мне.

— Вспоминаете ли вы свой первый фильм?

— Конечно. Нас было шестеро друзей, и мы на кооперативных началах решили снять картину, направленную против официального кино. «Против закона» — так назывался фильм, он стоил нам двенадцать миллионов и не принес ни гроша прибыли, но зато он открыл мне ощущение быть перед кинокамерой. С тех пор я работал со многими большими итальянскими режиссерами. Но больше других на меня повлиял Феллини. Снимаясь у него, я познал цену кино. Как бы это сказать... он облагородил меня.

Вообще я предпочитаю европейских режиссеров, я часто получаю приглашения из Голливуда. Совсем недавно прислали сценарий «Эль торо» («Бык»). Но я всегда отказываюсь от американских предложений. Не потому, что не говорю по-английски, просто иначе понимаю смысл искусства кино.

— Не собираетесь ли вы стать продюсером, завести собственное дело?

— Никогда! Я слишком люблю свою профессию. Но главное — жизнь бизнесмена неизбежно сопряжена с определенной жестокостью и злостью. Я не гоюсь для этого, не имею, так сказать, подобного таланта.

МАРЧЕЛЛО Мастрояни снимается очень много. На экране он был и миллионером, и разорившимся аристократом, и черствым себялюбцем, и озлобленным тундцем.

В жизни он труженик, художник, много думающий человек.

29 янв 1965

109